

— Его дѣло, его!—заговорили въ толпѣ.

Но напрасны были измѣренія слѣдовъ въ дорожной пыли. Когда становой приставъ пріѣхалъ во Льговъ, то въ земскомъ судѣ лежало на столѣ заявленіе Ширкова, изъ котораго можно было видѣть, что онъ самъ сознается въ томъ, что Алтухова ѣхала въ злополучную ночь на его дрожкахъ.

«Крестница моя, Марія Алтухова,— заявилъ земскому суду Ширковъ,—имѣла ко мнѣ горячую любовь. Я въ ночь смерти ея посылалъ за нею дрожки со своимъ кучеромъ и камердинеромъ. Она, пріѣхавши ко мнѣ въ домъ, пробыла довольно долго у меня и потомъ предъ разсвѣтомъ, на зарѣ, отправилась къ себѣ въ родительскій домъ. Черезъ нѣсколько времени возвратился кучеръ и сказалъ, что Алтухова на пути, вынувъ изъ дрожекъ пистолетъ, застрѣлилась съ отчаянія, не успѣвъ склонить меня на любовь».

Вскорѣ, въ земскій судъ прибылъ самъ Ширковъ; ему не сидѣлось въ усадьбѣ. Нечего и говорить, что встрѣченъ онъ былъ мелкими «приказными» подобающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, нужно было приступить къ слѣдствію. Судъ пожелалъ допросить ширковского кучера, который везъ Алтухову. Ширковъ отвѣчалъ, что кучеръ сейчасъ же явится для показаній. Но онъ солгалъ. Рано утромъ кучеръ съ камердинеромъ были устланы Ширковымъ въ Курскъ, будто бы за докторомъ, для того, чтобы подать Алтуховой помощь. Такимъ образомъ, посланные должны были проѣхать изъ Лунова въ Курскъ 50 верстъ и столько же обратно, а между тѣмъ у Ширкова въ домѣ жилъ лекарь, итальянецъ Бондини, имѣвшій всегда при себѣ медикаменты, которыми онъ многимъ оказывалъ помощь. Въ недалекомъ разстояніи, во Льговѣ, жилъ медикъ Брунсъ, къ которому Ширковъ, однако, не послалъ. Точно также Ширковъ не далъ знать о происшествіи роднымъ погибшей дѣвушки и не принялъ никакихъ мѣръ къ охраненію трупа, а оставилъ его брошеннымъ на большой дорогѣ.

Земскій судъ началъ слѣдствіе. На мѣсто происшествія члены суда поѣхали только на другой день. Въ усадьбу Ширкова они не смѣли и заѣхать, а тѣмъ болѣе—допросить его крѣпостныхъ людей. Трупъ Алтуховой былъ освидѣтельствованъ льговскимъ штабъ-лекаремъ Брунсомъ, который даже не позаботился вскрыть черепа Алтуховой для опредѣленія—былъ ли сдѣланъ въ ротъ выстрѣлъ, или нѣтъ.

Не будемъ описывать терзаній несчастной матери Алтуховой, у которой Марія была единственной дочерью. Со времени гибели дочери старуха Алтухова поставила себѣ цѣлью стать обвинительницею убійцы ея Маріи, которымъ она громко называла Ширкова. Этотъ послѣдній продолжалъ вести открытую жизнь, но всѣми было замѣчено, что представители курскаго дворянства перестали посѣщать Луново и его гостепріимнаго хозяина. Мѣсто